

УДК 821.161.1

Алпатова Т.А.*(г. Москва)*ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
И ПРОБЛЕМА МЕСТА РУССКОГО XVIII ВЕКА
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЭТА¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема литературного образования М.Ю. Лермонтова в 1827–1834 гг. На основе сохранившихся сведений о преподавателях поэта – А.Ф. Мерзлякове, С.Е. Раиче, В.Т. Плаксине – реконструируется историко-литературная концепция, с которой познакомился юный Лермонтов в годы учебы. Выявленные материалы позволяют понять, какое место занимала русская литература XVIII века в творческом сознании Лермонтова. На примере М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина анализируется специфика отношения Лермонтова к отечественному литературному наследию.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, литературное образование, А.Ф. Мерзляков, С.Е. Раич, В.Т. Плаксин, поэтика, риторика, история литературы.

T. Alpatova*(Moscow)*LITERARY EDUCATION OF M.U. LERMONTOV
AND PROBLEMS OF THE 18TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE
IN HISTORICAL AND LITERARY CONCEPT OF THE POET

Abstract. The article is about the problem of M.U. Lermontov's literary education since 1827 till 1834. On the basis of the information about the poet's teachers – A.F. Merzlyakov, S.E. Raich, V.T. Plaksin – the author reconstructs the historical and literary concept, which young Lermontov learnt during his studies. The information discovered lets us understand the place of Russian literature of the 18th century in Lermontov's creative consciousness. Lermontov's special attitude to the native literary heritage is analyzed on the basis of the examples of M.V. Lomonosov and G.R. Derzhavin.

Key words: M.U. Lermontov, literary education, A.F. Merzlyakov, S.E. Raich, V.T. Plaksin, poetics, rhetoric, history of literature.

Одной из наиболее сложных проблем в изучении творчества М.Ю. Лермонтова по справедливости считается поиск отечественных источников – как тех духовно-нравственных мотивов, к которым об-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект №12-34-10216.

рашался в своих произведениях поэт, так и художественных открытий, сделавших его поистине новатором, прежде всего в сфере психологизма. Сложнее всего рассматривать творческую манеру Лермонтова в сопоставлении с русской литературой XVIII столетия – кажется, что различия нормативно-рационалистического духа того времени и лермонтовских умонастроений настолько глубоки, что самой мысли о возможных типологических сближениях быть не может [13, 422-465].

Скорректировать это представление, по-видимому, поможет исследование историко-литературной концепции поэта. Перспектива такого изучения – многогранный анализ литературных представлений Лермонтова во всей их полноте, с учетом изменений, которые неизбежно претерпели в течение короткой жизни поэта его представления о закономерностях развития отечественной и мировой литературы, о «традиции» в широком смысле и традиции, с которой он непосредственно соотносил свое творчество. Методологической основой подобного анализа могут служить работы, посвященные реконструкции историко-литературной концепции А.С. Пушкина [2, 75-93; 19, 76-87]. При этом с той корректировкой, что в «случае Лермонтова» исследователь сталкивается с концепцией фрагментарной, менее последовательной и неизбежно противоречивой – как в силу слишком раннего начала ее оформления и столь же раннего обрыва со смертью поэта, так и вследствие «духа эпохи» второй половины 1820-х – начала 1840-х гг., времени поиска литературой новых путей развития, неизбежного «брожения» во всем, в том числе и в отношении к традиции. Предпринятая в данной работе реконструкция некоторых аспектов литературного образования Лермонтова имеет целью, уточнив характер сведений, которые входили в круг его обучения, представить тот специфический образ русской литературы «осмнадцатого столетия», в соотношении с которым и строил юный поэт собственные творческие поиски.

По свидетельству современников, интерес юного Лермонтова к литературе обозначился чрезвычайно рано. «Не зная еще грамоте, едва умея ходить», он уже «имел склонность к произношению слов в рифму» (Шугаев П.К. Из колыбели замечательных людей) [10, 60-61]. Выучив с помощью иностранных гувернеров французский, немецкий и английский языки, он рано начинает читать иностранные книги; по воспоминаниям троюродного брата, А.П. Шан-Гирея, в 1827 г. у 14-летнего Лермонтова он видел сочинения «Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина» [10, 36].

Круг чтения юного Лермонтова, куда входили литературные новинки как русской, так и западноевропейской словесности, безуслов-

но, играл огромную роль в становлении читательского вкуса и творческих предпочтений юного поэта. Однако для полного представления о закономерностях его роста необходимо учитывать, каким образом строилось литературное образование Лермонтова, какие сведения о литературе прошлого и современных произведениях входили в круг его учебных занятий, под каким школьным влиянием шло формирование его представлений об истории русской литературы. Это отвечало и духу литературной эпохи первой половины XIX в., бывшей переходным этапом между нормативным XVIII в., не признававшим творчества без тщательной выучки, и веком индивидуально-творческого начала в литературе, в свою очередь культивировавшим образ юного читателя, с искренним увлечением погружающегося в мир словесности, нередко руководимого в этом мудрым сочувствующим наставником (ср. «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гете, «Рыцарь нашего времени» Н. М. Карамзина и др.). Характер литературного образования Лермонтова строился с учетом обеих этих тенденций. Известные, благодаря воспоминаниям современников Лермонтова, факты, относящиеся ко времени его обучения в Благородном пансионе при Московском университете и в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а также сведения об истории этих учебных заведений и о литературной позиции наставников Лермонтова в русской словесности [см.: 3, 40-76; 4, 49-90; 8, 225-254; 12, 134-145] позволяют в настоящее время с достаточной полнотой реконструировать не только картину его литературного образования в целом, но и специфику представлений о традиции, в первую очередь, русской словесности XVIII в., которая была в ту пору основой литературного образования. Без сомнения, анализируя те сведения о русской литературе XVIII в. (в первую очередь, ее ключевых представителей – М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина), которые юный Лермонтов получил от своих учителей, можно уточнить не только его представления о словесности той поры, но и лучше понять некоторые принципы поэтики, в частности, удивительную склонность к реминисценциям, отмечавшуюся многими исследователями лермонтовских произведений рубежа 1820-х – 1830-х гг. [1, 23-48].

Не до конца решенной проблемой в изучении литературного образования Лермонтова представляется, прежде всего, степень и характер воздействия на него первого наставника в словесности А.Ф. Мерзлякова. Думается, немаловажным для творческого становления Лермонтова оказалось то, что литературная позиция Мерзлякова и как поэта, и как литературного критика, теоретика и педагога была двойственна. Наряду с изложением основополагающих правил клас-

сицизма (идея нормативного творчества, подчиненного законам и правилам, подражание образцам, нравственная польза художественных произведений) он утверждал мысль о свободе истинного художника в обращении с правилами, о необходимости следовать в творчестве, прежде всего, голосу сердца. Сохраняя в своей историко-литературной концепции понятие «образцового» автора, Мерзляков тем не менее изменял сам набор этих «образцов». Так, им с осторожностью высказывались суждения о погрешностях в сочинениях таких признанных авторитетов нормативной литературы, как А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов, М.М. Херасков, и выдвигались на первый план новые авторы, смело отступавшие от правил: Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, А.О. Аблесимов, В.А. Озеров.

Исследователи по-разному оценивают степень возможного влияния Мерзлякова на творческое становление юного Лермонтова. Устоялась точка зрения, что наибольший интерес среди трудов наставника у Лермонтова вызывали песенные опыты Мерзлякова, в то время как его классицистские пристрастия, и в особенности отдельные критические суждения о современной литературе, могли раздражать воспитанника. Товарищ Лермонтова по Благородному пансиону А.М. Миклашевский вспоминал, как того «бесило» толкование, данное Мерзляковым на одной из лекций по русской словесности только что вышедшему стихотворению А.С. Пушкина «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...») – то, «как он, древний классик, разбирая это стихотворение, критиковал его, находя все уподобления невозможными, неестественными» (А.М. Миклашевский. Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища) [10, 114-115]. По свидетельству того же Миклашевского, возвращая после проверки сочинения Лермонтова, Мерзляков «хотя и похвалил их, но прибавил только: “молодо-зелено”, такой, впрочем, аттестации почти все наши сочинения удостоивались» [10, 115].

Развитием литературного образования Лермонтова в Благородном пансионе при Московском университете стало знакомство с С.Е. Раичем, проводившим занятия по практической словесности. Литературный кружок, который существовал с момента возникновения пансиона и был реформирован Раичем [4, 49-90], посещали студенты разных курсов; наряду с Лермонтовым, его участниками были будущие поэты Н.Н. Колачевский, В.М. Строев, С.И. Стромилов, Л.А. Якубович, будущий художник-карикатурист Н.А. Степанов и др. Раич-наставник обучал своих учеников приемам литературного творчества, правил их стихотворения. Возможно, в ряде случаев юный Лермонтов опасался

критики своего наставника. Из ранних стихов Лермонтова ему, в частности, была известна «Русская мелодия» (1829)².

Литературные взгляды Раича в конце 1820-х – начале 1830-х гг. определялись интересом поэта к итальянской словесности. Он связывал будущее русского стиха с усвоением благозвучности, плавности языка, богатой образности итальянской поэзии, прежде всего Ф. Петрарки. Глубоко интересовался Раич и историей русской литературы XVIII в., вопреки сложившимся в то время историко-литературным традициям, он считал плодотворным для ее развития не французское, а итальянское влияние [18, 39-43].

В юношеском творчестве Лермонтова можно найти реминисценции из произведений Раича. Так, строки из посвящения к поэме «Демон» (ред. 1829 г.) «Я буду петь, пока поется...» представляют собой переделку фрагмента третьей строфы из стихотворения Раича «Прощальная песня в кругу друзей» (впервые опубликовано в альманахе «Уrania» на 1826 г.): «Будем петь, пока поется, // Будем пить, пока нам пьется, // И любить – пока в нас бьется // Сердце жизни молодой» [17, 11]. В драме «Испанцы» встречаются заимствования из переведенной Раичем поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»; описание тоски рыцарей, влюбленных в волшебницу Армиду, превращается у Лермонтова в часть пейзажного описания – развернутое сравнение с плывущей по небу луной:

*Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда ж отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас – посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колыхаются на шлемах... [9, 3, 39]*

В.Э. Вацуро видит следы литературной школы Раича, насаждавший «сладостный стиль», «с высокой концентрацией “украшающих” эпитетов, метафорических парафраз, мифологических имен, с поэтической

² В автографе стихотворения впоследствии Лермонтовым была сделана запись: «Эту пиэсу подавал за свою Раичу Дурнов – друг – которого поныне люблю и уважаю» [9, 1, 617].

фразеологией» [4, 85] в стихотворениях Лермонтова 1829–1830 гг., в частности «Стансы» («Люблю, когда борясь с душою...») – ср. «Письмо», «Наполеон», «Пан», «Жены Севера», «К другу» и др.

Влияние на литературное становление Лермонтова-поэта оказал и преподаватель русской словесности в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров В.Т. Плаксин, впоследствии не раз подчеркивавший, что провидел в Лермонтове необыкновенное поэтическое дарование. Сохранилась ученическая тетрадь Лермонтова, содержащая конспект лекций Плаксина, излагавших правила для прозаических сочинений, озаглавленный «Лекции из военного слова» [12, 149]. Целью прозаических сочинений, согласно лекциям Плаксина, было «изобразить предметы существенные и истинные и действовать на разум человека» [12, 149]; в классификации прозаических сочинений выделялись 6 родов: описания, исторические сочинения, ученые сочинения, речи, разговоры, письма. В духе учебных принципов Плаксина было составлено прозаическое описание Лермонтова «Панорама Москвы» (1831).

В этом сочинении заметно следование плану и приемам, рекомендованным Плаксиным для составления прозаических описаний в «Кратком курсе словесности, приспособленном к прозаическим сочинениям» – учебнике, на основе которого преподаватель читал лекции в Школе подпрапорщиков. Согласно урокам наставника, «Панорама Москвы» относилась к т. н. «описательным сочинениям», планы и приемы написания которых были наиболее детально разработаны в его учебном курсе. Работа была представлена на проверку; на рукописи рукой Плаксина сделана помета о «неприличности» низкой картины, описанной Лермонтовым после яркого словесного изображения собора Василия Блаженного («И что же? – рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булошники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... все так шумно, живо, беспокойно!..» [9, 4, 504]).

Стилистика и образный строй описания города в «Панораме Москвы» напоминают московские городские пейзажи в произведениях Н.М. Карамзина (повестях «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», а также в заметках из журнала «Вестник Европы»: «Записки старого московского жителя», «Путешествие вокруг Москвы», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре», «Записка о московских достопамятностях»). Более всего напоминают карамзинский стиль строение периодов в тексте юного Лермонтова:

«Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве <...>» [9, 4, 503] (ср.: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам»). Развивается в «Панораме Москвы» и характерный для прозы Карамзина прием изображения «панорамы» города как лучший способ проникнуть в его «душу» (подобным образом строятся не только описания Москвы, но и европейских городов, прежде всего Парижа и Лондона, в «Письмах русского путешественника»). Лермонтовская панорама города — синтез всех впечатлений, как зрительных, так и слуховых (ср. многообразно варьирующийся в начале очерка мотив колокольного звона, который возникает и благодаря упоминанию в начале о «вершине Ивана Великого», и в уподоблении языка города голосу океана). Язык Москвы для Лермонтова — «сильный, звучный, святой, молитвенный!..» [9, 4, 503]; со звуковыми впечатлениями связано также уподобление колокольного звона «чудной, фантастической увертюре Бетговена, в которой густой рев контр-баса, треск литавр с пением скрипки и флейты образуют одно великое целое» [9, 4, 503].

Плаксин-преподаватель знакомил своих студентов не только с правилами составления сочинений (правилами риторики), но и давал им сведения об истории литературы (по-видимому, на основе этих лекций в 1833 г. им был издан учебник «Руководство к познанию истории литературы») [14]. Сам преподаватель связывал принципы своей книги с традициями первого систематического изложения историко-литературных сведений — книгой Н.И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822) [5]. В отличие от конспективного изложения Греча, он стремился дать развернутые характеристики явлениям литературы различных эпох, от произведений языческого фольклора до современных писателей. Предложена Плаксиным и периодизация истории русской литературы — в зависимости от степени оригинальности и народности: первые два периода (языческий и христианский, от начала Крещения Руси до XVII в.) рассматривались в курсе Плаксина как время самобытной народности, следующие два — от начала XVII в. до деятельности М.В. Ломоносова и от Ломоносова до рубежа XVIII—XIX вв. — как время утраты народности. Размышляя о перспективах развития современной словесности, Плаксин отмечает, что на глазах

читателей происходит рождение пятого, истинно самобытного периода в русской литературе.

Центральная идея историко-литературного курса, читавшегося Плаксиным, – взаимодействие в истории всякой, в том числе и русской литературы двух тенденций – подражательной («новоклассической») [14, 54] и оригинальной, которую Плаксин называет романтической [7, 236-239]. В традициях преподавания истории словесности, принятых в первые десятилетия XIX в., Плаксин подробнее всего излагает сведения о русской литературе XVIII в. Признавая ее неизбежно подражательный характер, он все же считает само появление этой подражательности закономерным для России: эта литература «...выражает дух века, чаемую деятельность ума, желавшего <...> воскресить древний мир с его бытом, выражает необходимое торжество школьной мудрости – науки, которая первоначально должна была утвердиться между немногими, дабы переродившись по понятиям, изображающим новый мир, <...> сделаться всеобщим практическим знанием» [14, 172-173]. Среди русских писателей XVIII в. особое место Плаксин отводит Ломоносову как создателю нового русского языка, отвечавшего запросам времени: «В его великой душе отразился полный свод Европейского просвещения, которого все отрасли он умел облечь в форму чистого Русского языка» [14, 182].

Свидетельства интереса Лермонтова к личности и творчеству Ломоносова относятся в основном к раннему периоду. По свидетельству А.П. Шан-Гирея, в 1828 г. среди русских книг, читаемых Лермонтовым, были сочинения Ломоносова [10, 36]. Литературные учителя Лермонтова – А.Ф. Мерзляков, С.Е. Раич, В.Т. Плаксин придавали большое значение изучению ломоносовского поэтического наследия. Для Мерзлякова он был олицетворением господствовавшего поэтического направления в русской лирике XVIII в.; С.Е. Раич видел в творчестве Ломоносова свидетельство сближения духа русской и итальянской литературы, влияние свойственных петраркизму изящества, гармонии и силы художественного выражения; для В.Т. Плаксина наследие Ломоносова свидетельствовало о главных тенденциях эпохи, художественных потребностях общества, нуждавшегося в поэте, который поставил бы литературу «на общий классико-европейский путь» [14, 73] и преобразовал, «очистил язык народный; отделил от него все иноязычное, чуждое, обветшалое, грубое, низкое, неверное, частное и областное» [14, 81].

Плаксин-преподаватель приводил стихи Ломоносова из «Оды на день восшествия... 1746 г.» (строфа IX – «Нам в оном ужасе казалось...») [11, 140] как пример встречающегося в поэзии отступления от главной темы сочинения, которое тем не менее не вредит целому – «читатель,

пораженный смелостью представлений, силою мыслей и величественностью форм» [14, 206], не замечает нарушения логической последовательности в развитии темы. Ранее эту же строфу из оды Ломоносова Лермонтов включил, с незначительными изменениями, в поэму «Корсар» (1828):

*Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном [9, 2, 51]; ср.:
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады,
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном [10, 140-141].*

Несмотря на то, что больше прямых реминисценций из произведений Ломоносова в лермонтовском творчестве не выявлено, по-видимому, наследие поэта XVIII в. могло быть интересно Лермонтову как пример свободы и неожиданности поэтических ассоциаций, связанных с барочным началом в его эстетике. Ряд особенностей лермонтовской поэтики (пристрастие к эмблематике, неожиданно яркие эпитеты, пышные усложненные образы и др.) уходят корнями в эстетику барокко – и как конкретно-исторический стиль эпохи, и как феномен, проявляющийся в литературах различных стран и временных отрезков [16, 71-78]. Частью этой традиции, имевшей значение для Лермонтова как один из способов обновления поэтического стиля, могла быть и ломоносовская поэзия.

В основе зарождавшейся на глазах публики новой, романтической литературы Плаксин видел идею народности: «печать века, народности, личности» [15, 20], «национальные оттенки», обращение к националь-

ной истории и мифологии. «Здесь предполагается <...> совершенная свобода векового народного и личного духа» [15, 28]. Подобный взгляд, высказываемый наставником, имел безусловное влияние на юного Лермонтова, способствовал выбору им своего пути в литературе именно в сфере национальной самобытности.

Несомненно, ключевой фигурой для становления концепции самобытного творчества, в равной мере свободного как от диктата западноевропейских «образцов», так и от «правил» нормативной поэтики, в историко-литературных представлениях лермонтовской поры был Г.Р. Державин.

Интересным дополнением к характеристике сведений о Державине, которые Лермонтов получил в школьные годы, могут быть оценки личности и творчества поэта XVIII столетия, данные в историко-литературном курсе В.Т. Плаксина. Державин для него – высшее воплощение истинного гения, главные черты которого – смелость, мощь, способность вызывать удивление современников и неизбежное одиночество. Такие гении, как Державин, подобны звездам, далеким от земли: «он поражает нас благоговейным удивлением, возвышает дух до созерцания Творца в высшем беспредельном его творении; <...> Таково назначение великих гениев, превышающих делами своими земные потребности и житейские частности» [14, 224-225]. В этом же смысле понимает наставник Лермонтова типологическое сходство Державина с Байроном, которое замечали в то время некоторые критики, писавшие о русском поэте. Для реконструкции представлений Лермонтова о русской литературе XVIII в. может быть актуальным именно это сравнение, конкретизирующее представление о степени поэтического новаторства Державина.

Непосредственных реминисценций из произведений Державина в стихах Лермонтова не выявлено; однако, по мнению И.А. Ильина, гневная обличительная интонация стихотворения «Смерть поэта» напоминает державинские стихи, прежде всего «Властителям и судиям» [6, 197-198].

В целом литературное образование Лермонтова представляет собой причудливое сочетание, с одной стороны, традиционных приемов преподавания теории словесности в нормативном духе – как свода «правил» творчества, приемов «изобретения», «расположения» и «украшения» сочинений в различных родах и видах, а с другой – новаторских идей, которые были связаны в основном с постепенным признанием свободы (как в выборе «образцовых» авторов, так и самих принципов творчества). Литературное образование нацеливало юного

поэта на поиск новых источников вдохновения (таков в концепции Мерзлякова фольклор; такова для Раича по-новому понятая «живая» античность и «сладостный» стиль, петраркизм и т. п.). Наряду со сведениями из области нормативно-теоретической поэтики и риторики («правилами» творчества), Лермонтов в годы ученичества получил подробные систематические сведения об истории русской литературы – следовательно, об изменчивости и подвижности норм, правил, вкусов, о динамике как одной из основных закономерностей развития искусства.

Изучение литературного образования Лермонтова позволяет решить целый ряд важных историко-литературных задач. Прежде всего, подробное исследование трудов А.Ф. Мерзлякова, С.Е. Раича, В.Т. Плаксина как историков литературы позволяет восстановить круг русских писателей прошлого, входивших в сферу внимания Лермонтова в годы обучения. Характеристики, которые давали этим авторам наставники юного поэта, показывают, как традиционное прочтение творчества писателей, от Ломоносова до Дмитриева и Карамзина, постепенно сменялось новым, в определенных моментах близким литературным пристрастиям юного Лермонтова. Таким образом, восстановленная литературная школа Лермонтова позволяет более объективно судить о значении русской литературы XVIII в. для его становления, о специфике реминисценций и автореминисценций лермонтовской поэзии, а также о направлении эволюции поэта как в ранний период творчества, так и в перспективе 1837–1841 гг.

Литература:

1. *Аринштейн Л.М.* Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики / Л.М.Аринштейн // Лермонтовский сборник. – Л.: Наука, 1985. – С. 23-48.
2. *Берков П.Н.* Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века / П.Н.Берков // Пушкин: Исследования и материалы— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 75-93.
3. *Бродский Н.Л.* Лермонтов-студент и его товарищи / Н.Л.Бродский // Жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова: Исследования и материалы. Сборник первый – М.: ОГИЗ, 1941. Кн. 1. – С. 40-76.
4. *Вацуро В.Э.* Литературная школа Лермонтова / В.Э. Вацуро // Лермонтовский сборник – Л.: Наука, 1985. – С. 49-90.
5. *Греч Н.И.* Опыт краткой истории русской литературы / Н.И. Греч. – СПб.: в типографии Н.Греча, 1822. – 394 с.
6. *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. – М., Искусство, 1993. – 348 с.

7. *Курилов А.С.* Теория романтизма в русской критике 2-й пол. 20-х – нач. 30-х гг. / А.С.Курилов // История романтизма в русской литературе. [Вып. 2]. – М.: Наука, 1979. – С. 236-241.
8. *Левит Т.* Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе / Т.Левит // М. Ю. Лермонтов. – М.: Изд-во АН СССР, 1941–1948. – Кн. 2. – 1948. (Лит. наследство; Т. 45-46). – С. 225-254.
9. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука, 1979–1981.
10. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1964. – 582 с.
11. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 / М.В.Ломоносов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1280 с.
12. *Назарова Л.Н.* Лермонтов в Школе юнкеров /Л.Н.Назарова // М.Ю.Лермонтов. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1979. – С. 134-145.
13. *Нейман Б.В.* Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова / В.Б. Нейман // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. 1. – М.: ОГИЗ, 1941. – С. 422-465.
14. *Плаксин В.Т.* Руководство к познанию истории литературы / В.Т. Плаксин. – СПб.: в типографии III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. – 365 с.
15. *Плаксин В.Т.* Лекции из истории литературы // Сын Отечества и Северный Архив. – 1834. – № 34. – С. 20.
16. *Поспелов Г.Г.* «Парные стили» в искусстве Нового времени / Г.Г.Поспелов // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. – М.: Пинакотека, 2000. – С. 71-78.
17. Поэты 1820-х – 1830-х годов / вступ. ст. Л.Я.Гинзбург, биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В.Э.Вацуру. Л.: Сов. Писатель, 1972. – Кн. 2. – 768 с.
18. *Раич С.Е.* Петрарка и Ломоносов // Северная лира на 1827 год. / изд. подгот. Т.М. Гольц и А.Л. Гришунин. – М.: Наука, 1984. – С. 39-43.
19. *Стенник Ю.В.* Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина / Ю.В. Стенник // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1983. – Т. 11. – С. 76-87.